

Василий Лоренц

*Архивариус Миров II.
Цена Равновесия.*

Василий Лоренц Архивариус Миров II. Цена Равновесия.

<https://litres.ru/74525298>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он спас мир ценой собственной тени.

Теперь тишина пожирает все к чему он прикасается.

Десять миров. Трое героев.

Один чертеж, который ведет их к финалу, начерченному не их рукой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Архивариус Миров

II. Цена Равновесия.

Глава

Он спас мир ценой собственной тени.

Теперь тишина поглощает все, к чему он прикасается.

Десять миров.

Трое героев.

Один чертеж, который ведет их к финалу, начерченному не их рукой.

Оглавление:

Глава 1 – Эхо тишины

Глава 2 – Цена якоря

Глава 3 – Наследие Прадеда

Глава 4 – Возвращение блудного Инженера

- Глава 5 – Лавка под осадой**
- Глава 6 – Пепел на ветру**
- Глава 7 – Клетка для птицы Реквием**
- Глава 8 – Архив несбывшихся судеб**
- Глава 9 – Горнило последнего вздоха**
- Глава 10 – Театр марионеток**
- Глава 11 – Базар тикающих теней**
- Глава 12 – Осколки хрустального неба**
- Глава 13 – Лабиринт зеркал**
- Глава 14 – Костяная гавань**
- Глава 15 – Вкус раскаленной стали**
- Глава 16 – Архитекторы пустоты**
- Глава 17 – Бульон из пустоты**
- Глава 18 – Ложный финал**
- Глава 19 – Чертежник**
- Глава 20 – Рамен на краю мира.**

Глава 1. Эхо тишины

Возвращение домой никогда не бывает таким, как ты его себе представляешь. Виктор ожидал, что переступит порог своей кухни и с облегчением выдохнет, сбросив с плеч груз ответственности Хранителя. Он представлял, как сядет за старый дубовый стол, заварит себе крепкий, пережжённый кофе — тот самый, что пил не один десяток раз, — и мир снова станет простым и понятным. В этом мире были бы

только пыльные архивы, выцветшие чернила и логика. Но реальность, с которой он столкнулся, оказалась куда более жестокой.

Тишина. Вот что ударило его в первую же секунду. Это была не уютная тишина старого дома, наполненная скрипом половиц и тиканьем часов. Это была абсолютная, стерильная пустота. Она не звенела — она поглощала звук ещё до того, как он успевал родиться. Воздух казался плотным и тяжелым, как войлок, и каждый вдох давался с трудом, словно приходилось проталкивать его через густую смолу. Эта тишина имела вес. Она давила на барабанные перепонки куда сильнее любого крика.

Первые дни Виктор пытался игнорировать это ощущение. Он механически выполнял привычные ритуалы архивариуса: доставал из стопки пожелтевший лист бумаги, аккуратно стряхивал с него пыль веков, делал пометку в блокноте. Но его руки дрожали. Дрожали не от усталости после падения сквозь реальность. Они дрожали от этой невыносимой, звенящей пустоты. Мир казался плоским картонным макетом самого себя.

Он сидел у окна своего кабинета, глядя на серый сад. Дождь медленно стекал по стеклу, но звук падающих капель не доносился до его ушей. Он видел круги на лужах, видел, как сгибаются под тяжестью воды ветки старой яблони, но всё это происходило в полной тишине. Это было похоже на просмотр немого кино без музыкального сопровождения.

Реальность лишилась своей звуковой дорожки.

И дом сопротивлялся этому покою. Виктор чувствовал это каждой клеткой своего тела. Дом был живым существом, и сейчас он страдал от этой неестественной тишины так же, как человек страдает от кессонной болезни. Он пытался «говорить», но его голос искажался до неузнаваемости.

Первыми начали скрипеть половицы. Это началось на третью ночь. Не просто привычный скрип старого дерева под весом человека — это было бы понятно и даже успокаивающе в своей обыденности. Нет. Дом начал выводить сложные, диссонирующие мелодии. Это был не скрип, а скорее низкое, утробное гудение на грани инфразвука, от которого начинали вибрировать зубы и ныть кости. Иногда этот звук складывался в подобие слов на языке, которого Виктор никогда не слышал, но смысл которых он чувствовал всем своим существом — угрозу и древнюю тоску.

Он затыкал уши подушкой, но шепот становился громче. Он проникал сквозь кости черепа прямо в мозг. В этом многослойном шёпоте Виктору чудились обрывки чужих реальностей: сухой шелест падающего песка из мира Иллюмина и на его фоне — низкий гул кристаллических пещер.

Затем проснулся колодец во дворе. Вода в нём всегда была тёмной и холодной, храня в себе секреты столетий. Но теперь она изменилась фундаментально. Она стала непроницаемо-чёрной, как отполированный обсидиан. А по ночам из этой чернильной бездны начало подниматься слабое, мерт-

венное свечение. Оно не освещало сруб колодца или траву вокруг; наоборот, оно впитывало свет луны, окрашивая всё вокруг в нездоровый, призрачный бирюзовый оттенок.

Но самым тревожным индикатором грядущей беды оставался зонт-трость. Деревянная рукоять становилась ледяной не потому, что артефакт хотел пить тепло своего носителя. Виктор начал понимать: зонт служил термометром грядущей катастрофы. Он остывал в предчувствии абсолютного нуля — температуры, при которой останавливается всякое движение, включая само время.

Виктор стоял посреди своей кухни — своей личной точки входа в мультивселенную — и держал в руке чашку с давно остывшим кофе. За окном поднимался очередной серый рассвет, такой же безликий и стерильный, как и все предыдущие дни его «мирной» жизни. Он посмотрел на зонт-трость, прислонённый к стене у двери. Тот снова начал покрываться тонким слоем инея, который медленно расползлся от набалдашника вниз по трости, рисуя причудливые узоры смерти.

Шепот половиц внизу стих так же внезапно, как и начался, уступив место новой, ещё более глубокой и вязкой тишине.

И тогда он понял. Это было эхо. Эхо той вселенской гармонии и абсолютного покоя, который он почувствовал на краю своего сада после освобождения Иллюмина. Гармония не может существовать без своего антипода. Если во всём мире воцарился совершенный покой на макроуровне — для

Иллюмина в его пустоте, для Кая в его лавке между мирами — значит, где-то в самой ткани бытия образовалась невидимая рана или чудовищное напряжение. И из этой точки абсолютного равновесия начала просачиваться его тень — первобытная, голодная тьма и хаос.

Виктор медленно поставил чашку в раковину. Раздался тихий фарфоровый стук, который показался ему оглушительным в этой ватной тишине.

Приключение закончилось? Нет. Иллюмин был свободен от своего бремени вечного стража на границе пустоты. Кристалл в Плачущем Саду теперь был намертво связан с его собственной жизненной силой узами более крепкими, чем сталь. А равновесие, которое он так отчаянно защищал всей душой своего прадеда и своей собственной душой Хранителя Равновесия, оказалось хрупким маятником.

Завтра он сварит себе свежий кофе по новому рецепту из старой тетради на кухне и откроет дневники прадеда в поисках ответов на новые вопросы.

Но сегодня ему предстояла другая работа. Работа Хранителя Равновесия в мире без теней.

Он подошёл к стене и взял трость. Рукоять обожгла ладонь космическим холодом так сильно, что кожа мгновенно потеряла чувствительность, став белой как мел. Но он лишь крепче сжал пальцы. Тишина взорвалась беззвучным криком тысяч оборванных струн реальности, и Виктор сделал шаг навстречу этому крику из своего тихого сада в большой мир.

Он знал: чтобы найти источник эха тишины, нужно сначала научиться слышать саму тишину.

Глава 2. Цена якоря

Слабость пришла не как волна прилива, медленно затапливающая берег сознания. Она ударила резким, сухим спазмом, скрутившим внутренности Виктора в тугий узел боли настолько острой, что он забыл как дышать. Ему показалось, что невидимая рука выдернула из-под него пол гостиной, оставив болтаться над бездной на тонкой ниточке пульса.

Он стоял посреди комнаты всего секунду назад — просто стоял, пытаясь осознать новую реальность своего дома-проклятия — а теперь мир вокруг него рушился изнутри наружу. Это было не просто головокружение или усталость после бессонной ночи. Мир не плыл перед глазами — наоборот, он стал невыносимо четким до мельчайших деталей: каждая пылинка в луче серого света из окна проступила с гиперреалистичной ясностью; каждая трещинка на паркете казалась Гранд-Каньоном; узор на обоях превратился в сложную карту несуществующих галактик. Мозг работал на пределе возможностей, пытаясь обработать этот поток избыточной информации, и от этого напряжения череп готов был треснуть.

И вместе с этой сверхъясностью пришло леденящее душу понимание природы его связи с кристаллом Ул'Тари. Она не была просто бременем или моральной ответственностью за спасение целого народа Детей Вечной Ночи. Это

был непрерывный, неумолимый физический отток его собственной жизненной силы. Он ощущал это сейчас как никогда остро: где-то глубоко под ребрами образовалась сосущая пустота, словно невидимая пиявка присосалась к его сердцу и методично выкачивала кровь по капле. С каждым ударом оно отдавало частичку себя — каплю тепла, искру сознания — питая чужой мир через ту самую неразрывную нить связи и удерживая его от распада.

Он стал для них живым якорем. Представьте себе корабль цивилизации Ул'Тари: он дрейфует в штормовом море хаоса на грани крушения. И вот появляется цепь — тонкая, но абсолютно неразрывная — которая одним концом крепится к мачте корабля, а другим... к сердцу человека в другом мире. И этот человек вынужден стоять неподвижно на берегу своего мира и удерживать корабль от гибели ценой собственного существования.

Внезапно связь дала сбой. Это было похоже на короткое замыкание в высоковольтной сети или обрыв гитарной струны под невероятным натяжением: резкая вспышка боли пронзила грудь Виктора от солнечного сплетения до позвоночника. Нить связи натянулась до предела до звона невидимой стали... а затем ослабла лишь для того, чтобы начать пульсировать неравномерно, словно агонизирующее сердце умирающего зверя.

Виктор упал на колени прямо посреди гостиной так тяжело, что паркет жалобно скрипнул. Он упал лицом вниз и су-

дорожно хватал ртом воздух, которого почему-то не хватало лёгким. В ту же секунду он ощутил отголосок ужаса оттуда, из другого мира. Это был не просто страх одного существа — это была ментальная волна коллективного панического отчаяния миллионов сознаний Ул'Тари одновременно ударила по нему через ту самую нить связи. Их страх был осязаем: тошнотворная смесь животного ужаса перед темнотой которой они поклонялись и отчаяния перед окончательным небытием их мира. Он увидел их глазами: небо над городом начало тускнеть неестественно быстро для их длинных ночей; краски мира блекли до оттенков сепии; а свет кристалла-источника жизни мигнул раз... другой... и стал тусклым и неровным, как перегорающая лампочка перед тем как погаснуть навсегда.

Слабость оттока пригвоздила его к полу гостиной. Виктор лежал на спине, глядя в потолок, и мир перед глазами плыл серыми разводами. Сознание скользнуло куда-то вглубь, провалившись сквозь слои усталости, как камень сквозь воду.

Он увидел коридор. Длинный, металлический, освещённый лампами, которые мигали строго по протоколу: две секунды тьмы, три секунды мертвенно-белого света. По коридору шёл человек в тяжёлой броне как у Глеба. Лицо скрыл шлем, но голос — хриплый, пропущенный через динамики — звучал отчётливо:

— Инженариум. Цилиндр. Он должен быть у архивариуса.

Без него якорь не держит.

Человек повернулся, и Виктор увидел его глаза — стальные, измученные, с белым ожогом на сетчатке.

— Инженариум. Запомни это слово, Хранитель. Найди его. Пока не поздно.

Виктор рванулся вперёд, пытаясь схватить человека за руку, но пальцы прошли сквозь металл, как сквозь туман. Коридор мигнул в последний раз и погас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.